

Л. Н. Терентьева

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОДРОСТКАМИ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ

Исследование современных этнических процессов у народов мира — одно из центральных направлений советской этнографической науки. Разработка этих проблем имеет не только большое научное значение для познания динамики современного развития тех или иных этнических общностей и их взаимодействия, но и расширяет возможности для прогноза будущего¹.

За последние годы наиболее широкий размах в советской этнографической науке получило изучение этнических процессов, протекающих у народов Советского Союза. Институт этнографии АН СССР уделяет большое внимание координации этих исследований по стране и определению их главных направлений, выработке методики сбора и обработки материала, выявлению новых источников и т. п. Творческое обсуждение и обмен научной информацией об исследованиях по данным проблемам занимает все большее место в работе ежегодных сессий, посвященных результатам полевых этнографических и археологических работ². Эти вопросы систематически освещаются также на страницах журнала «Советская этнография»³. Готовится обобщающая монография «Современные этнические процессы в СССР».

Видное место среди разрабатываемых проблем принадлежит изучению семьи, как первичной социальной ячейки, подверженной действию этнических процессов. До недавнего времени главное внимание в этой связи уделялось изучению вопросов о динамике национально-смешанных браков, что нашло свое отражение в ряде публикаций. Эти работы, основанные на сравнительно небольшом материале или охватывающие незначительное число объектов, отражают определенный этап в исследовании⁴. За последние несколько лет в изучении семьи в плане просле-

¹ См.: В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР, «Сов. этнография», 1969, № 2, стр. 60.

² Н. С. Полищук, Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 года, «Сов. этнография», 1968, № 5.

³ См., например, опубликованные в журнале «Сов. этнография» статьи: С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана, 1962, № 3; О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, 1965, № 5; Н. Г. Волкова, Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, 1966, № 1; ее же, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, 1967, № 1; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, 1967, № 2; его же, Современные этнические процессы, 1969, № 2; А. В. Смоляк, О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина, 1967, № 3; С. И. Брук, В. И. Козлов, Этнографическая наука и перепись населения 1970 года, 1967, № 6; Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), 1968, № 4.

⁴ А. Г. Трофимова, Материалы отделов загс о браках как этнографический источник, «Сов. этнография», 1965, № 5; К. Х. Ханазаров, Межнациональные браки — одна из прогрессивных тенденций сближения социалистических наций (Из опыта конкретно — социал. исследования). «Обществ. науки в Узбекистане», 1964, № 10, его

живания этнических процессов наметился определенный перелом. Известный опыт в этом направлении накоплен Институтом этнографии как по линии расширения круга проблем, так и в отработке методики исследований и определения выборки, учитываемой при сборе материала и т. п. При исследовании семьи в аспекте этнических процессов учитывается не только сама динамика браков в национальном разрезе, но и оценочные показатели — отношение к этим бракам в той или иной социальной или этнической среде. Изучаются языковые и культурно-бытовые процессы, в национально-смешанных семьях. Особое внимание уделяется изучению этих семей по поколениям, что дает возможность определить тенденцию дальнейшего развития тех или иных этнических процессов.

В Институте уже сосредоточен большой статистический, а также полевой этнографический и этно-социологический материал по самым различным регионам страны. В круг обследования включено преимущественно городское население.

Материал о динамике смешанных в национальном отношении браков, извлеченный из республиканских и городских архивов, отделов загса, хронологически охватывает 20—25 послевоенных лет; в отдельных случаях собран материал, относящийся к 1920—1930 годам. Сбор материала и параллельная его обработка продолжают⁵.

Аналогичные исследования, координируемые Институтом этнографии, проводятся и в других научных центрах страны. Укажем, в частности, на работы, выполняемые аспирантами Казанского государственного университета по обследованию в том же плане городского и сельского населения Татарской АССР⁶.

Обширный материал о межнациональных браках, разработанный по единой методике, уже сам по себе представляет большой научный интерес для исследования этнических процессов⁷. Сопоставление фактического числа однонациональных и национально-смешанных браков с теоретически возможным определенным образом отражает степень сближения наций, народностей или этнографических групп в тех или иных регионах нашей страны. Названные материалы служат вместе с тем отправным источником для более углубленного изучения семьи в аспекте ее этнического развития. Так, в плане исследования современных этнических процессов закономерно выдвигается вопрос о влиянии на-

же, Об одном аспекте дальнейшего сближения наций в СССР, «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 6.

Материал о смешанных браках имеется также в следующих работах: С. С. Агаширинова, К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана, «Сов. этнография», 1966, № 4; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии, «Сов. этнография», 1967, № 4. М. А. Бикжанова, Быт современной узбекской семьи по материалам Ташкентской и Наманганской областей Узбекской ССР, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, стр. 83—88, М., 1963; С. Ш. Гаджиева, Семья и семейный быт народов Дагестана, Махачкала, 1967; Г. А. Гейбуллаев, Современная семья и семейный быт азербайджанцев (по этнографическим материалам Кубинского района). Автореферат канд. дисс., Баку, 1966; В. Т. Зинич, Соціалістичні перетворення та рости нового комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України, Київ, 1963; «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)», М., 1968; Г. Х. Мамбетов, Куба в прошлом и настоящем, Нальчик, 1968; М. Садыков, Многонациональный город и бытовой уклад людей, «Коммунист Татарии», 1965, № 9 и др.

⁵ Эта работа проводится под руководством и при непосредственном участии сотрудников Ин-та этнографии АН СССР О. А. Ганцкой и автора настоящей статьи.

⁶ Исследования ведут Г. А. Непримерова и Н. Н. Кучерявенко. См. также: Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. (По материалам социологического исследования), «Сов. этнография», 1968, № 5.

⁷ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч, О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков, «Сов. этнография», 1966, № 3; Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4.

ционально-смешанных браков на язык, культуру, быт и другие этнические признаки.

Образование национально-смешанных семей неизбежно влечет за собой появление в их быту многих качественно новых черт. Как показывают материалы выборочных этнографических обследований, это прежде всего проявляется в особенностях функционирования каждого из языков супругов. В одних случаях наблюдается исчезновение из обихода языка одного из супругов, в других случаях, в равной или почти равной мере бытуют оба языка, в третьих — в семье пользуются каким-либо известным обоим супругам третьим языком. Параллельно с языковыми процессами в таких семьях происходит формирование своеобразных черт культуры, домашнего быта, традиций, отличающих их семейный уклад от семейного быта тех однонациональных семей, к которым ранее принадлежали супруги.

В еще большей мере отмеченные черты проявляются во втором поколении национально-смешанных семей. Дети, рожденные в национально-смешанных семьях, чаще всего воспринимают в качестве основного разговорного языка один из языков своих родителей. При этом не всегда именно тот, который являлся основным языком общения их родителей, равно как и не обязательно материнский язык. Таким образом, языковая ситуация в семье может изменяться.

В быту представителей второго поколения в национально-смешанных семьях значительно менее ощутимы исходные компоненты, участвовавшие в формировании семейного уклада их родителей, происходивших из разнонациональной среды. Но самым главным фактором, отражающим направление этнических процессов, является определение представителей второго поколения этих семей своей национальной принадлежности.

Основная цель настоящей статьи познакомить читателей с предварительными итогами исследований, проводимых автором именно по этому вопросу, т. е. о национальном самосознании подростков, рожденных в национально-смешанных семьях. Новым, впервые используемым источником информации послужили материалы паспортных отделов милиций.

В Советском Союзе юридическое оформление национальной принадлежности каждого гражданина (гражданки) впервые производится, как известно, по достижении им (сю) 16-летнего возраста. К этому времени приурочено получение первого паспорта. При выдаче паспортов заполняется так называемая форма 1, в которой имеются вопросы о национальности отца и матери, а также об избранной получающим паспорт лицом национальности⁸. В форме 1 содержатся также данные об имени лица, получающего паспорт, его поле, годе и место рождения, местожительстве, образовании, роде деятельности, что позволяет поставить вопрос о том, не оказывают ли эти факторы какого-либо влияния на определение подростками своей национальной принадлежности. Интересны и результаты сопоставления избранной национальности с именами молодых людей, получающих паспорт. Эти данные, дополненные материалами выборочного опроса, нередко свидетельствуют о том, что избранная подростком национальность не совпала с той национальностью, которую, судя по данному ему имени, определяли ему в детстве родители.

Собранный одновременно материал охватывает пять лет, т. е. срок действия первого паспорта, а следовательно и сохранности в картотеке паспортного стола форм 1. Такой небольшой отрезок времени, естественно, недостаточен для ответа на вопрос о динамике процесса. Поэтому сбор сведений необходимо повторять (это представляет собой весьма

⁸ В других аналогичных формах, заполняемых при получении паспорта, — по истечении срока действия, в связи с переменной фамилии и т. п. — указывается только национальность лица, получающего паспорт.

трудоемкую работу, так как искомые данные приходится извлекать из общей картотеки паспортных отделов районных отделений милиции, насчитывающих многие десятки тысяч карточек).

Сбор материалов о национальной принадлежности подростков из национально-смешанных семей проводился за небольшим исключением в тех же пунктах, что и о национальности брачующихся. Это позволяет проводить сопоставление и определить тенденцию развития этнических процессов.

В настоящей статье анализируются материалы, относящиеся к трем главным городам прибалтийских советских социалистических республик: Риге, Вильнюсу, Таллину. Материал охватывает 1960—68 гг. Собранные данные в количественном отношении можно, по-видимому, считать достаточно представительными. В каждом из названных городов работа проводилась по двум, из четырех или пяти, районным отделений милиции. В выборку попало около 40% общей совокупности материала по каждому району⁹. В результате этого в обработку было включено около 22 000 экземпляров формы 1¹⁰.

Прежде чем перейти к анализу материала, непосредственно относящемуся к существу затрагиваемого в статье вопроса, коротко остановимся на рассмотрении национального состава семей, из которых происходят интересующие нас подростки. Эти данные сведены нами в три помещенных ниже таблицы (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1 содержит данные о соотношении числа подростков, получивших паспорта в национально-смешанных и однонациональных семьях. Как видно из таблицы, в каждом из этих трех городов обнаруживаются свои специфические черты. Удельный вес молодежи из национально-смешанных семей выше всего в г. Вильнюсе — 20%; в Риге он составляет 18%, а в Таллине — 11,3%. Интересно проследить в данных городах и соотношение национально-смешанных и однонациональных браков. Так, например, в Вильнюсе в 1948 г. удельный вес национально-смешанных браков достигал 34,4%, в Риге — 29,5%, в Таллине — 21,2%. В 1963 г. в Вильнюсе соответственно — 37,6%, в Риге — 35,5%, в Таллине — 22%¹¹. Отмеченные различия объясняются прежде всего различиями в национальном составе населения этих городов. Вильнюс в сравнении с двумя другими городами — наиболее многонационален. В нем также наиболее высока относительная численность инонационального населения. Так, в Вильнюсе в 1959 г. литовцы составляли 33,6% от общего числа населения города, русские — 29,40%, поляки — 20%, белорусы — 6,93%, евреи — 6,9% и т. д. Последнее обстоятельство обусловило, что именно в Вильнюсе имеется наибольшее число вариаций как однонациональных (табл. 1), так и национально-смешанных семей (табл. 2).

В Риге, в сравнении с Вильнюсом, удельный вес коренного населения несколько выше. По данным Всесоюзной переписи населения в 1959 г. численность латышей составляла там 44,66% всего населения города. Из других национальностей численно наиболее представительны русские — 39,45%. Все остальные национальности занимают значитель-

⁹ В Риге работа проводилась в Московском и Пролетарском районах; в Вильнюсе — в Октябрьском и Центральном районах; в Таллине — в Центральном и Калининском районах.

¹⁰ В сборе и обработке материалов, кроме автора, участвовали сотрудники Ин-та этнографии АН СССР Р. А. Григорьева (по Вильнюсу и Риге) и Л. Х. Феоктистова (по Таллину). Автором совместно с Р. А. Григорьевой был прочитан на эту тему доклад на одной из секций отчетно-экспедиционной сессии 1968 г., см. Н. С. Полищук. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 года, «Сов. этнография», 1968, № 5.

¹¹ Сопоставление указанного числа национально-смешанных браков с их теоретически вероятным числом свидетельствует о тенденции к сближению этих показателей.

Соотношение случаев получения первых паспортов молодежью из национально-смешанных и однопациональных семей в 1960—1968 гг.

(в % к общему числу молодежи, впервые получившей паспорта)

Вильнюс	%	Рига	%	Таллин	%
Из национально-смешанных семей	20,0	Из национально-смешанных семей	20,0	Из национально-смешанных семей:	11,3
Из однопациональных семей:		Из однопациональных семей:		Из однопациональных семей:	
литовских	19,0	латышских	18,0	эстонских	74,0
русских	31,6	русских	53,0	русских	13,0
польских	12,0	—	—	—	—
белорусских	7,0	—	—	—	—
украинских	2,0	—	—	—	—
еврейских	7,0	еврейских	8,0	—	—
других	1,4	других	3,0	других	1,7
	100%		100%		100%

Таблица 2

Преобладающие варианты национально-смешанных семей

Вильнюс	Рига	Таллин
I. Литовцы—русские 14,3	I. Латыши—русские 25,2	I. Эстонцы—русские 35,4
Литовцы—поляки 8,0	Латыши—поляки 6,0	
Литовцы—украинцы 3,0	Латыши—украинцы 2,2	Эстонцы—украинцы 3,2
Литовцы—белорусы 1,0	Латыши—белорусы 2,1	Эстонцы—белорусы 1,6
Литовцы—другие 5,0	Латыши—другие 2,0	Эстонцы—другие 2,5
II. Русские—украинцы 16,4	II. Русские—украинцы 22,8	II. Русские—украинцы 23,2
Русские—белорусы 14,8	Русские—белорусы 11,8	Русские—белорусы 3,1
Русские—евреи 8,0	Русские—евреи 6,3	Русские—евреи 9,5
Русские—поляки 7,2	Русские—поляки 5,5	Русские—другие 3,5
Русские—другие 6,0	Русские—другие 4,0	
III. Белорусы—поляки 3,3	—	—
Белорусы—украинцы 2,9	—	—
Белорусы—другие 1,0		
Другие национальности 8,8	Другие национальности 12,1	Другие национальности 18,0
Всего 100%	Всего 100%	Всего 100%

но меньшее место в составе населения города: 5,04% составляют евреи, 3,20% — белорусы, 2,81% — украинцы, 2,76% — поляки и т. п.

В Таллине, по сравнению с Ригой и Вильнюсом, процент коренного населения наиболее высок — 60,24%; русские составляют 32,04% всего населения города. Все остальные национальности относительно малочисленны: украинцев — 2,5%, белорусов — 1,31% и т. д.¹² Вследствие этого и число вариаций однопациональных и национально-смешанных семей в этих городах значительно меньше (см. табл. 1 и 2).

При анализе данных таблицы 1 следует также учитывать показатели детности женщин. Этим в значительной мере объясняется то несоответствие, которое обнаруживается и в данном материале между относительной численностью той или иной национальности в составе населения города и численностью молодого поколения в семьях. Так, в Риге в связи с более высокой рождаемостью русских относительное число под-

¹² См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.» — Эстонская ССР, М., 1962; Литовская ССР, Вильнюс, 1963; Латвийская ССР, М., 1962.

ростков, рожденных в этих семьях, значительно превышает удельный вес русских в национальном составе населения города.

В таблице 2 показаны преобладающие сочетания (варианты) национальностей смешанных семей. В каждом из трех городов они могут быть разделены на две основные группы. Первую группу составляют семьи из представителей коренной национальности данной республики и других наиболее многочисленных национальностей, живущих в этих городах. Во вторую группу включены различные комбинации семей, образованных представителями всех других национальностей, исключая коренную национальность.

Как видно из таблицы, в первой группе, состоящей в Вильнюсе и Риге из четырех, а в Таллине из трех вариантов, преобладают семьи представителей коренной национальности с русскими.

Вторая группа представлена в Риге и Таллине браками русских с некоренными национальностями, а в Вильнюсе, кроме того, и белорусами также с некоренными национальностями. При этом во всех трех городах численно преобладают варианты семей русских и украинцев.

Обобщая эти данные следует, таким образом, выделить для всех трех городов два доминирующих варианта семей, а именно: представителей коренных национальностей (литовцев, латышей и эстонцев) с русскими и русских с украинцами.

Таблица 3 освещает вопрос о соотношении комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин. Представленный материал позволяет сделать вывод, что число мужчин и женщин данной национальности, вступивших в национально-смешанные браки, в одних случаях полностью или почти полностью совпадает, в других подобного совпадения не наблюдается. Первое в наибольшей мере относится к бракам, заключенным в Риге. В Вильнюсе и Таллине к этому приближаются браки, заключенные литовцами и эстонцами с русскими. Во всех других вариантах браков количественное соотношение между мужчинами и женщинами в каждой данной комбинации браков выглядит как 3 : 1 и 2 : 1. Например, в Вильнюсе при литовско-польских браках 76% браков заключено между литовцами и поляками и 24% между поляками и литовками. Аналогично сочетание при русско-польских браках. Сопоставляя эти два примера, можно заметить явный перевес числа смешанных браков, где фигурируют польки, над числом подобных браков, где представлены поляки.

Таким образом, при относительном равновесии полов в общей численности представителей этих национальностей, проживающих в городе, отметим, что польки чаще вступают в смешанные браки, чем литовки. Аналогичные явления прослеживаются во всех трех городах и в браках между русскими и украинцами (см. табл. 3) ¹³.

Основной материал, отвечающий на главный поставленный в статье вопрос об определении своей национальности молодежью из национально-смешанных семей, содержится в таблице 4. В основу этой таблицы положен тот же принцип группировки семей, что и в таблице 2, но дополнительно для каждого из двух этнических компонентов, составляющих данную группу семей, введены обозначения римскими цифрами I и II. Эти же обозначения повторяются в графах «Избранная национальность». По римским цифрам и следует определять, каково процентное соотношение молодежи, выбравшей ту или иную национальность из двух возможных, обозначенных в графе «группы семей». Так, например, в Вильнюсе 52% всей 16-ти летней молодежи, происходившей из литовско-

¹³ В некоторых других регионах страны различия в соотношении комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин сказываются гораздо резче. Например, в Ашхабаде, где в рассматриваемое время вообще был низок процент национально-смешанных браков, вступали в смешанные браки только мужчины-туркмены, и не зарегистрировано ни одного случая инонационального брака туркменок.

Таблица 3

Соотношение комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин

Вильнюс		Рига		Таллин	
мужч. — женщ.	%	мужч. — женщ.	%	мужч. — женщ.	%
Литовско-русские	57,0	Латышско-русские	50,0	Эстонско-русские	61,0
Русско-литовские	43,0	Русско-латышские	50,0	Русско-эстонские	39,0
Литовско-польские	76,0	— —	—	— —	—
Польско-литовские	24,0	— —	—	— —	—
Русско-украинские	37,0	Русско-украинские	34,0	Русско-украинские	24,0
Украинско-русские	63,0	Украинско-русские	66,0	Украинско-русские	76,0
Русско-белорусские	70,0	Русско-белорусские	50,0	— —	—
Белорусско-русские	30,0	Белорусско-русские	50,0	— —	—
Русско-польские	77,0	— —	—	— —	—
Польско-русские	23,0	— —	—	— —	—
— —	—	Русско-еврейские	50,0	Русско-еврейские	30,0
— —	—	Еврейско-русские	50,0	Еврейско-русские	70,0

Таблица 4

Определение национальности 16-ти летними подростками в национально-смешанных семьях
(в % к общему числу молодежи в каждой из выделенных групп семей)

Вильнюс			Рига			Таллин		
Группы семей		избранная национальность	группы семей		избранная национальность	группы семей		избранная национальность
I—II	I	II	I—II	I	II	I—II	I	II
Литовско-русские	52,0	48,0	Латышско-русские	57,0	43,0	Эстонско-русские	62,0	38,0
Литовско-польские	80,0	20,0	Латышско-польские	79,0	21,0	— —	—	—
— —	—	—	Латышско-белорусские	75,0	25,0	— —	—	—
— —	—	—	Латышско-украинские	76,1	23,9	— —	—	—
Русско-украинские	64,0	36,0	Русско-украинские	74,7	25,3	Русско-украинские	66,0	34,0
Русско-белорусские	89,2	10,8	Русско-белорусские	80,5	19,5	— —	—	—
Русско-польские	74,0	26,0	Русско-польские	75,0	25,0	— —	—	—
Русско-еврейские	86,0	14,0	Русско-еврейские	93,3	6,7	Русско-еврейские	90,0	10,0

русских семей, определили себя литовцами, а 48% — русскими. В Риге 57% общего числа подростков, происходивших из латышско-русских семей, назвали себя латышами, а 43% — русскими.

Таким образом, материал, обобщенный в таблице 4, и отражает определенные тенденции этнических процессов, оказывающих влияние на дальнейшую судьбу одного из двух этнических компонентов, составляющих ту или иную национально-смешанную семью. При более внимательном рассмотрении таблицы и сопоставлении данных по всем трем городам можно заметить в этих процессах общие черты. Рассмотрим их последовательно.

В семьях, сложившихся из представителей одной из трех коренных национальностей этих республик в сочетании с русскими, наблюдается почти равное процентное соотношение молодежи, избравшей ту или другую национальность. Однако все же имеет место некоторый перевес в сторону коренных национальностей. В Вильнюсе и Риге, как видно из таблицы, это проявляется в меньшей мере, в Таллине — несколько больше. Из этого следует, что в Вильнюсе и Риге при данном варианте браков в следующем поколении не наблюдается каких-либо существенных количественных изменений в соотношении двух взаимодействующих этнических сил. В Таллине в эстонско-русских семьях это более заметно.

Во всех других комбинациях национально-смешанных браков влияние выбора национальности на динамику этнического состава проявляется гораздо резче. Так, в Вильнюсе в случае литовско-польских браков 80% молодежи считает себя литовцами. Аналогичные явления наблюдаются и в Риге, где в латышско-польских, латышско-украинских и латышско-белорусских семьях до 79% молодежи принимают латышскую национальность. В группах семей, состоящих из представителей русской и других (но не коренных) национальностей, явное предпочтение во всех трех городах отдается русской национальности, которую принимают от 70 до 90% молодежи. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с тремя направлениями ассимиляционных процессов, имеющих разную степень интенсивности. Первое из них, наименее заметное, направлено в сторону некоторой ассимиляции литовцами, латышами и эстонцами представителей русской национальности; второе проявляется в значительно более интенсивной ассимиляции основными коренными национальностями республик других национальностей; третье указывает на аналогичные взаимодействия между русскими и представителями некоренных национальностей.

Из сказанного следует, что из общего числа этнических компонентов, составляющих национально-смешанные семьи, на первый план в каждом из трех городов выдвигаются два: один представляет коренную национальность данной республики и другой — русское население.

Остается еще остановиться на вопросе о том, не влияют ли в данном случае на выбор национальности какие-либо традиции — например, не принято ли выбирать национальность по отцу (или, наоборот, по матери). Этим сюжетам посвящена таблица 5.

При сопоставлении данных о соотношении национальности подростков с национальностью отцов по отдельным группам семей обращают на себя внимание резкие различия в степени расхождения цифр внутри каждой группы. С учетом этих различий выделенные в таблице группы семей могли бы быть в свою очередь скомпонованы еще в две большие группы.

Таблица 5

Соотношение национальности детей с национальностью отцов
(в % к общему числу случаев в данном сочетании национальностей)

		Вильнюс						Рига				Таллин											
		литовская	литовка	украинка	украинец	белорусская	белорус	польская	полька	русская	латыш	русский	латышка	украинка	украинец	белорусская	белорус	эстонская	эстонка	русский	украинка	украинец	русская
По отцу	отец	66,0	66,0	81,0	24,0	84,0	48,0	89,0	24,0	75,0	32,0	62,0	48,0	90,0	33,0	87,0	13,0	66,0	44,0	75,0	36,0		
	мать																						

К первой во всех трех городах следовало бы отнести семьи, образованные из представителей коренных национальностей и русских. В этих семьях указанные различия очень незначительны или вообще не выражены. Последнее характерно в Вильнюсе для литовско-русских семей, где процент молодежи, принявшей национальность отца-литовца и отца-русского полностью совпадает. В Риге и особенно в Таллине, как видно из таблицы, между аналогичными показателями имеется уже небольшое расхождение.

Вторая группа семей могла бы включать все остальные, поименованные в этой таблице семьи. Их общим признаком является большой разрыв между цифрами, указывающими на национальность подростков. Так, например, в русско-украинских семьях, во всех трех городах повторяются сходные тенденции: если отцы русские, их национальность принимает от 75 до 90% подростков, т. е. подавляющее большинство, если отцы украинцы — от 33 до 48%. Эти расхождения в еще большей мере выражены в русско-белорусских семьях, где при русских отцах одинаковую с ними национальность принимают 87% подростков, а если отцы белорусы — только 13%. Сказанное выше свидетельствует о том, что молодые люди при выборе своей национальности отнюдь не придерживаются каких-либо традиций¹⁴. На решение вопроса оказывают влияние другие факторы. Для того, чтобы с достаточным обоснованием ответить, каковы эти факторы, необходимо провести дополнительные исследования, включающие и опрос некоторого числа лиц, получающих паспорта. Однако известные предположения можно высказать и на основании тех материалов, которыми мы располагаем.

Если сопоставить данные таблиц 4 и 5, то заметной становится прямая зависимость между интенсивностью ассимиляционных процессов и степенью расхождения показателей о национальности подростков и национальности отцов. В тех группах семей, где тенденции к ассимиляции во втором поколении выражены слабо, столь же незначительно и расхождение этих показателей. Наоборот, в тех группах семей, где этническая ассимиляция во втором поколении особенно ощутима, наблюдается и наибольшее расхождение вторых показателей. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что предпочтительный выбор, подростками той или иной национальности родителей в значительной мере определяется интенсивностью и общим направлением ассимиляционных процессов. Несомненно, нельзя не учитывать и некоторых субъективных факторов. Они, безусловно, обнаружатся при выяснении таких вопросов непосредственно у этой молодежи, но можно с уверенностью уже сейчас сказать, что эти факторы будут единичными и не окажут сколько-нибудь существенного влияния на выводы, вытекающие из массового статистического материала.

Мы не даем ответа в этой статье на то, в какой мере при выборе подростками национальности сказываются различия по полу, роду деятельности, месту рождения, хотя эти и некоторые другие данные, как мы отмечали выше, содержатся в форме 1. Для такого детального анализа потребовался бы значительно больший объем материала, чем тот, которым мы располагаем сейчас.

В данной статье мы ставили основной целью ознакомление с кругом исследуемых вопросов, с источниками и принятой методикой работы. Для этого был привлечен материал по одному из обследованных регионов — прибалтийским советским республикам и в каждой из этих республик взято только по одному (правда, главному) городу.

¹⁴ Аналогичные выводы подсказывают и материалы по другим обследованным городам Прибалтики. Однако их нельзя распространять на все регионы страны. Во многих местах стойки традиции определения национальности по отцу. Например, в Ашхабаде, все 100% молодежи из национально-смешанных семей туркмен с другими национальностями следуют национальности своих отцов.

При таком ограничении материала основные выводы, к которым мы приходим, естественно, прежде всего относятся к этим городам, и с некоторой приближенностью к этому региону.

Представленный материал в сопоставлении с данными о динамике национально-смешанных браков, свидетельствует о все возрастающем удельном весе этих браков. Обусловленный этим рост числа молодежи, происходящей из национально-смешанных семей, оказывает наряду с другими факторами (миграцией населения и т. п.) заметное влияние на цифровые показатели национального состава населения данных городов в сторону постепенного сокращения численности одних национальностей за счет увеличения численности других (наиболее крупных для данного города или выделяющихся по каким-либо другим признакам, например, основное коренное население). В частности, имеется в виду подмеченная тенденция к сокращению в этих городах численности украинского, белорусского, польского, еврейского населения за счет увеличения численности литовцев, латышей, эстонцев, русских.

Принцип выбора национальности вторым поколением в национально-смешанных семьях обусловлен в этих городах, по нашему мнению, общим ходом этнических процессов, происходящих в Прибалтике в современную эпоху.

Отмеченные особенности охарактеризованных процессов и тенденция дальнейшего их развития находят, как об этом свидетельствует материал, свои аналоги во многих других регионах страны¹⁵. Правда, другая этническая и социальная среда нередко придает этим процессам несколько иное направление, но это не затрагивает очерченных нами их главных параметров. В этой связи хотелось бы отметить в качестве общего явления все возрастающую роль национально-смешанных браков как одного из факторов, влекущего за собой изменение национального состава населения. Это обстоятельство следует учитывать при определении причин этих изменений в промежутках между переписями населения.

Высоко оценивая избранный источник информации, мы, вместе с тем, учитываем и его известную ограниченность, обусловленную регламентацией, действующей в паспортной системе. Согласно этой регламентации, подростки при определении национальности выбирают национальность одного из родителей.

В практике этнографической работы нам приходилось нередко сталкиваться с несовпадением национального самосознания того или иного индивидуума с национальной принадлежностью, принятой им в соответствии с данной регламентацией. Последнее вполне объяснимо: в условиях активного межнационального общения все возрастает значение этнической среды, которое нередко оказывает более сильное влияние при решении вопроса об определении национальной принадлежности, чем факторы этнического происхождения данного лица¹⁶.

¹⁵ В целом мы располагаем материалами по следующим городам: Киеву, Кишиневу, Минску, Вильносу, Риге, Таллину, Ашхабаду и некоторым другим городам этих союзных республик; по автономным республикам по городам: Чебоксары (Чувашская АССР), Казань (Татарская АССР), Саранск (Мордовская АССР). В сборе материалов кроме упоминавшихся выше лиц, участвовали: М. Я. Салманович, Г. П. Васильева, М. Б. Фейгина, Б. Р. Логашова. Эти материалы обобщены автором (см. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований археологических и этнографических исследований 1968—1969 г., Ленинград, 1969. Исследования по городам Северного Кавказа, Махачкала (Дагестанская АССР), Черкесск (Карачаево-Черкесская АССР), Орджоникидзе (Северо-Осетинская АССР) проводятся сотрудниками Ин-та этнографии АН СССР Г. А. Сергеевой и Я. С. Смирновой.

¹⁶ Так, например, совершенно естественны случаи, когда подростки, происходящие из белорусско-украинских, татарско-мордовских, чувашско-марийских и т. п. семей, но живущие в русском окружении и пользующиеся в семейном обиходе русским языком, выражают желание отнести себя к русской национальности, а не к одной из национальностей, родителей подобные примеры могли бы быть названы и по многим другим вариациям национально-смешанных семей или в тех или иных разновидностях этнической среды.

Ценным источником, значительно расширяющим круг информации, являются материалы переписей населения. Эти материалы в сопоставлении с данными паспортных отделов позволяют, в частности, выяснить вопросы о степени расхождения (или совпадения) мнения родителей о национальной принадлежности их малолетних детей с фактически принятой подростками национальной принадлежностью в шестнадцатилетнем возрасте. Мы признаем безусловную необходимость применения наряду с этим выборочного анкетного обследования, а в отдельных случаях и непосредственного опроса части молодежи, определяющей свою национальность. Таким путем удастся получить ценные сведения, дающие более полное представление о существе этнических процессов или уточняющие статистические материалы.

Нами разработана небольшая анкета, в которой содержатся вопросы о социальном положении и профессии родителей, длительности проживания их и подростков, получающих паспорта, в данном населенном пункте, о языке в семье, о мотивах выбора данной национальности и некоторые другие. Массовый сбор материала с применением этой анкеты пока еще не начат. Первые пробные работы проведены в Дагестане¹⁷. В настоящее время определяется процент выборки, уточняются пункты обследования с тем, чтобы в дальнейшем организовать планомерное проведение этих работ.

¹⁷ Эти работы начаты сотрудником Ин-та этнографии АН СССР Г. А. Сергеевой.

SUMMARY

The problem of national consciousness among teenagers born in families of mixed nationality is analyzed; this problem has not yet been adequately studied. Data of passport departments of the militia were used as the source of information. The article includes data on the three capitals of Soviet Baltic republics — Vilnius, Riga, and Tallin. Its aim is to acquaint the reader with the range of problems studied, with the sources utilized, and methods employed. In collecting data a 40% sample was taken. About 5000 questionnaires have been included in the processing. The author comes to the conclusion that the choice of nationality by young people from nationally-mixed families in a way reflects the general trends of ethnic processes which have been taking shape in the Baltic republics.

Three main directions of ethnic processes of different intensity are noted. The first is an insignificant assimilation of Russian nationals by the indigenous nationality. The second is manifested in a rather more intensive assimilation by indigenous nationalities of representatives of other nationalities. The third shows similar ethnic interrelationships between Russians and other non-indigenous nationalities.

The number of nationally-mixed marriages is constantly increasing. They are becoming one of the factors influencing changes in the population's ethnic composition. The author is of the opinion that this circumstance should be taken into consideration in determining the causes of these intercensal changes.
